

III. ВАРИАТИВНОСТЬ ЕДИНИЦ РАЗНОГО УРОВНЯ

Н. А. БОНДАРКО

Институт лингвистических исследований РАН

НИЖНЕАЛЕМАННСКИЕ ДИАЛЕКТНЫЕ ЧЕРТЫ В ЭЛЬЗАССКИХ РУКОПИСЯХ XV–XVI ВЕКОВ: КОНСТАНТНОСТЬ И ВАРИАТИВНОСТЬ*

Ключевые слова: ранненоверхненемецкий язык, нижнеалеманнский письменный диалект, Эльзас, молитвенники, константные диалектные признаки.

В статье рассматривается вопрос о соотношении константных признаков нижнеалеманнского письменного диалекта и графико-фонетических вариантов, связанных с влиянием наддиалектного ранненоверхненемецкого (рнвн.) узуса („Gemeines Deutsch“). Изучение письменных практик местных монастырских скрипториев необходимо для решения частных практических задач датировки и локализации происхождения средневековых рукописей. Материалом исследования является сборник молитвенных текстов из фондов Российской Национальной библиотеки Нем. I. O. 87, составленный из 17 разных молитвенников из Эльзаса XV–XVI вв., предположительно, в одном из доминиканских монастырей Страсбурга. По сравнению с блоками, созданными на протяжении XV в., в языке переписчиц, работавших в конце XVI в., наблюдается ряд черт, характерных для общенемецкого узуса. Вместе с тем распространение юго- и средневосточных черт в нижнеалеманнских рукописях явно неравномерно и, по всей видимости, зависит от индивидуальной стратегии, выбранной писцом. Проведенный анализ позволил выявить ряд константных признаков нижнеалеманнского письменного диалекта (например, отсутствие рнвн. дифтонгизации) и менее устойчивых черт, подверженных варьированию (например, расширение *ou* > *au*). Некоторые особенности языка отдельных частей рукописи объясняются, напротив, сильным влиянием местных диалектов (например, свободное чередование на письме лабиализованных и делабиализованных вариантов кратких гласных переднего и среднего ряда: *i*, *e* ~ *ï*, *ö*). В целом характер варьирования указывает на то, что язык эльзасских молитвенников оставался консервативным на протяжении всего XVI в. и полный переход на общенемецкий предстандарт еще не состоялся.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ, проект № 13-04-00375.

LOW ALEMANNIC DIALECT FEATURES IN ALSATIAN MANUSCRIPTS OF THE 15TH-16TH CENTURIES: CONSTANTNESS AND VARIANCE

Keywords: Early New High German, Low Alemannic written dialect, Alsace, prayer books, constant dialectal features.

The article investigates the question of correspondence between constant characteristics of Low Alemannic written dialect and graphemic-phonetic variants caused by the influence of the supradialectal tradition of Early New High German (ENHG, "Gemeines Deutsch"). The scrutiny of the written praxis of local monastic scriptoria is necessary for solving practical tasks of linguistic dating and localization of medieval manuscripts. The present study is based on a vernacular prayer collection in MS Nem. I. O. 87 (The National Library of Russia) consisting of 17 heterogeneous blocks from Alsace written during a long period of time from the first third of the 15th till the end of the 16th century, presumably in one of the dominican convents in Strasbourg. In comparison with the blocks of the 15th century, there are some features in the language of female scribes working in the late 16th century, which are characteristic for the German common usage. At the same time, the distribution of Bavarian and East Central features in the Low Alemannic manuscripts is obviously uneven and, most likely, depends on the individual strategy chosen by a scribe. The carried-out analysis has allowed to reveal a number of constant features of the Low Alemannic written dialect (for example, absence of the ENHG diphthongisation) and less constant features subject to a variation (for example, the lowering shift from *ou* to *au*). On the contrary, some language features of separate parts of the manuscript should be explained by the strong influence of local dialects (for example, free alternation of rounded and unrounded variants of short high and mid-low vowels: *i*, *e* ~ *ü*, *ö*). In general, the observed kind of variation indicates that the language of Alsatian prayer books remained conservative for all the 16th century, and the full transition to the common German prestandard still hadn't taken place in monastic manuscript sources.

История становления немецкого литературного (письменного) языка связана с проблемой взаимодействия диалектных и наддиалектных черт в рукописных и старопечатных текстах. В письменном тексте фонетические и лексические варианты, характерные для местных диалектов, совмещались с вариантами, характерными для письменного узуса скрипториев, канцелярий и крупных языковых ландшафтов. Вместе с тем местные варианты могли распространяться на соседние территории, а при благоприятных социально-политических условиях формировалась языковая мода.

Хрестоматийным примером могут служить наблюдения над новыми явлениями в немецком языке (прежде всего в области ор-

фографии), сделанные гуманистом Никласом фон Виле (Niklas von Wyle, ок. 1415–1479), уроженцем Бремгартена (Ааргау). Его родным диалектом был верхнеалеманнский. Получив образование в Венском университете, он с 1447 г. руководил городской канцелярией в Эслингене (Швабия), а в 1469 г. перешел на службу при дворе графов Вюртембергских в Штутгарте. В силу служебных обязанностей Никлас фон Виле вынужден был менять орфографические навыки. Во введении к своему сборнику переводов (“Translationen”), опубликованному в 1478 г., он выражает недовольство новыми веяниями в орфографии, фонетике и морфологии. Изменения орфоэпической моды приходили в швабские канцелярии, с одной стороны, с юго-востока Священной Римской империи под влиянием имперской канцелярии в Вене (например, дифтонгизация долгих *i*, *û*, *iu*; удвоение согласных графем), а с другой — как, например, в случае с вытеснением швабского написания дифтонга *ai* узким вариантом *ei* (NvW, л. 242r-v) — из западносредне немецкого ареала (подробный комментарий метаязыковых свидетельств Никласа фон Виле дает А. Социн: [25, с. 177–180; ср. 1, с. 116–117; 30, с. 171–173]). В XV в. именно немецкий юго-восточный и среднево восточный территориальные варианты немецкого языка наиболее активно влияли на устный и письменный узус швабских, верхне- и центрально-рейнских земель, в то время как алеманнский юго-запад утратил свою активность еще в раннем средневековье (см.: [14, с. 16, 40–42]). Этому способствовало и состояние политической раздробленности, в котором алеманнские территории оказались после распада штауфеновского герцогства Швабского во второй половине XIII в. Впрочем, не следует абсолютизировать экстралингвистическую обусловленность распространения ранненоверхне немецких (далее «рнвн.») фонетических новаций — некоторые из них могли иметь и спонтанное развитие — как, например, дифтонгизация средневерхне немецких (далее «свн.») долгих монофтонгов (см.: [5, с. 202–215]).

Письменный язык Страсбурга и других письменных центров Эльзаса XV–XVI вв. принадлежал к наддиалектному территориальному варианту литературного языка (ТВЛЯ) юго-запада, зона функционирования которого ограничивалась, как отмечает С. И. Дубинин, «письменной коммуникацией в сферах делопроизводства, религии и художественной литературы» [4, с. 57]. Начиная с 1520-х годов, под воздействием соседних территориальных

вариантов складывалась «ситуация региональной письменной диглоссии» [Там же]. В этот период история юго-западного ТВЛЯ, формировавшегося на основе алеманнско-швабского диалектного континуума (в современной номенклатуре — Westoberdeutsch) связана, с одной стороны, с консервацией древних диалектных черт (прежде всего в верхнеалеманнском ареале), а с другой стороны — с проникновением в письменный узус общенемецких черт. Эльзас был подвержен внешним влияниям особенно сильно. Уже с начала VI в. этот регион являлся зоной столкновений и активного взаимодействия франков и алеманнов (“fränkisch-alemannischer Gegensatz” — [13, с.61]), результатом которого стала частичная франкизация нижнеалеманнского диалекта. Но и в дальнейшем, на протяжении всего средневерхненемецкого периода, вся область Верхнего Рейна и особенно Эльзаса была открыта для центральнофранкского влияния. По образному выражению Т.Фрингса, Эльзас выступает как «зона вторжений» (“Einbruchsraum”), в то время как Швабия — «зона новаций, заимствований и сопротивления» (“Raum der Neubildung, der Übernahme und des Widerstandes”), а Швейцария — как «зона реликтов» (“Rückzugsraum”) [13, с.67–68] (ср. [14, с.42; 27, с.239–241; 5, с.544–546; 4, с.48–57], включая обзор важнейших работ фрейбургской школы исторической диалектологии, основанной Ф.Маурером; [19]). В позднем средневековье североалеманнский ареал — и особенно Эльзас с такими культурными центрами, как Страсбург, Шлетштадт, Кольмар, Мюльхаузен, — был противопоставлен южноалеманнскому «на основе критерия убывания консервативных (староалеманнских) черт с юга на север» [4, с.53].

Таким образом, языковая вариативность в позднесредневековых памятниках письменности Эльзаса имеет два совершенно различных аспекта: во-первых, историческое смешение алеманнского и южнорейнскофранкского диалектов, а во-вторых — экспансия немецкого «общего языка» (Gemeinsprache), исходящая из юго-восточного и восточносредненемецкого ареалов. Последний процесс получил значительное ускорение к концу XV в., благодаря стремительному развитию книгопечатания в Страсбурге и постепенно усиливающейся ориентации издателей на наддиалектный узус (см.: специальные исследования [2, 4, 8]). При этом устные говоры и диалекты продолжали существовать обособленно от влияния литературного языка, сохраняя многие архаичные

черты вплоть до настоящего времени (об оппозиции “*innovierende Schriftsprache*” vs. “*beharrende Mundart*” см.: [26, с. 1531]). Впрочем, в литературном языке региона местные и привнесенные явления разных языковых уровней могли сосуществовать в виде территориальных дублетов [3, с. 53]. Характеризуя язык печатной продукции позднесредневекового Страсбурга, М. М. Гухман отмечает разную степень юго-восточного влияния, и прежде всего — новых дифтонгов. Чрезвычайная устойчивость алеманнских форм наблюдается в текстах, ориентированных на местную традицию, в то время как «интенсивное проникновение “чужих”, более “престижных”, форм характеризовало иной тип литературного языка, оно было преимущественно связано с книжным стилем, с творчеством тех авторов, которые не только владели принятыми структурами языка “высших” сфер коммуникации, но и сознательно противопоставляли свою языковую практику языковой стихии народно-разговорного языка» [3, с. 53–54].

К числу более или менее константных признаков (в терминологии М. М. Гухман «абсолютно устойчивых» и «относительно устойчивых» «узальных признаков» — см.: [2, с. 153–197]) нижнеалеманнского ареала, лишь отчасти характерных для письменного языка юго-запада, в позднем средневековье в области фонетики и графематики относятся: 1) отсутствие рвнв. дифтонгизации (сохранение свн. долгих монофтонгов /i:/, /u:/, /ü:/); 2) отсутствие рвнв. монофтонгизации (сохранение свн. нисходящих дифтоногов /ie/, /uo/, /üe/; 3) сохранение свн. дифтонгов /ei/, /ou/, /öu/, которые, однако, могут чередоваться с монофтонгами: /ei ~ e/, /ou ~ o/, /öu ~ ö/; 4) переход свн. /a:/ в /o:/ (на письме <o>); 5) варьирование /u, ü ~ o, ö/ перед назальными сонантами (в отличие от южноалеманнского ареала); 6) возможность лабиализации и делабиализации /ü/ > /i/, /ö/ > /e/ (с чередованием вариантов в обоих случаях); 7) оглушение /b/ > /p/ в начале слова и переход /b/ > /w/ в интервокальной позиции; 8) чередование <t ~ d> на письме; 9) оглушение /d/ в конце слова с написанием <dt>; 10) отражение свн. /k/ на письме как <ch>. В фономорфологической сфере это также показатель *-nt* во всей парадигме множественного числа спряжения глаголов; вариант с корневым гласным /a:/ в глаголах (*gan, stan*); формы суффиксов *-nus* и *-lin* [21, с. 304–311; 1, с. 60–62; 4, с. 66–70]. Показателен, однако, выполненный Маурером анализ языка одной нижнеалеманнской рукописи середины XV в. на с. 312–315, демонстрирую-

ций высокую степень вариативности фонетических и морфологических признаков и неустойчивость диалектных границ между вариантами (обзоры основных признаков страсбургского городского диалекта в позднем средневековье представлены в работах [7, с. 24–29; 8, с. 445–446]; см. также сведения о нижнеалеманнских диалектных чертах в грамматиках рнвн. языка X. Мозера и др., приводимые отдельно для каждого явления [23, 12]; ценные данные представлены в историко-диалектографических материалах и исследованиях языковых ландшафтов [9]; специально для юго-западного ареала — HSS; ElsLA).

Анализ языкового варьирования (в первую очередь в фонетическом и орфографическом, но также в морфологическом и лексическом аспектах) в рукописях и старопечатных изданиях ведет не столько к реконструкции местных диалектов в синхронных срезах, сколько к описанию письменного узуса, характерного для более или менее крупных диалектных ареалов и городских языков (*landschaftliche Schreibsprachen, Schreibdialekte, Sprachlandschaften, Stadtsprachen* и т. д.). В этих территориально обусловленных формах письменного существования языка сочетаются ареальные, субареальные и местные диалектные черты, традиции отдельных писцовых центров, а также индивидуальные графико-фонетические системы писцов (см.: [10, с. 961–970; 24, с. 1624–1627; 26, с. 1526–1529; 29, с. 1527]). Исследование языка отдельных рукописей или старопечатных изданий предполагает выявление константных черт, характерных для диалектных ареалов и территориальных вариантов немецкого языка — в случае с Эльзасом изначально гетерогенных. Вместе с тем такое исследование не может обойтись без описания всего набора графико-фонетических и лексических вариантов, характеризующих индивидуальный узус переписчиков, поскольку анализ письменного узуса микроареалов неразрывно связан с изучением динамики отдельных языковых явлений, отраженных в надежно датированных и локализованных рукописных источниках разных типов. Это могут быть, с одной стороны, правовые документы, земельные кадастры, судебные протоколы, а с другой стороны — разные списки одних и тех же памятников, имевших широкое распространение, — библейских переводов, вокабуляриев, сборников житийной и прочей религиозной литературы (см. подробнее: [4, с. 78–83; 18; 19]).

Вполне очевидно, что описание языка рукописей связано с вопросами не только историко-диалектологического, но и социолингвистического характера, поскольку необходимо учитывать весь комплекс социофункциональных условий и среды создания текстов (подробнее о соотношении диалектологии и социолингвистики в германистической традиции см., например: [15]). Объектом нашего рассмотрения в настоящей статье является язык религиозных текстов — в частности, рукописных сборников молитв. В отличие от языка старопечатных книг, этот тип письменных памятников отличается в XV–XVI вв. большей устойчивостью по отношению к общенемецким новациям, поскольку молитвенники предназначались для повседневного использования в узком кругу читателей, а чаще всего — для индивидуального чтения. Не только молитвенные медитации, но и небольшие назидательные трактаты, проповеди, разделы катехизиса переписывались в монастырских скрипториях не для широкой публики, а для нужд самой общины (см.: [6]). Некоторые молитвы представляли собой переводы латинских текстов литургического обихода, однако большинство текстов этого жанра являются свободными медитативными текстами, строящимися с помощью стереотипных формул и клише и варьирующими стандартный набор топосов и тем молитвенной литературы. Молитвы первой группы — в силу их всеобщей известности — имели более или менее широкое распространение в рукописной традиции, так что нередко можно встретить разные списки одного и того же перевода. Молитвы второй группы переписывались в неизменном виде значительно реже. Поэтому обнаружение двух списков текстов подобного рода в разных рукописях обычно свидетельствует о близком родстве соответствующих сборников. При этом состав молитвенников никогда не повторяется полностью (см. подробнее: [6, с. 379–386; 16; 20]).

Особенности языка молитвенной литературы Эльзаса мы рассмотрим на материале молитвенника, хранящегося под шифром Нем. I. O. 87 в рукописном собрании Российской Национальной библиотеки. Разнообразный состав этого сборника (301 лист формата 131 × 97 мм) позволяет проследить графико-орфографическое варьирование в текстах, происходящих из общего нижнеалеманнского диалектного ареала Эльзаса, однако написанных в разное время, начиная с первой трети XV в. и вплоть до конца XVI в. Эти католические молитвы сестер доминиканского ордена переписывались

и использовались также и в ситуации конфессиональной борьбы, разворачивавшейся в Страсбурге особенно драматично.

Рукопись была приобретена лично хранителем Императорской Публичной библиотеки Р. Минцловым в начале 1850-х годов. В 1853 г. он опубликовал краткое описание кодекса и тексты нескольких молитв в числе прочих материалов из собрания немецкоязычных рукописей [22, с. 59–64]. Локализация и датировка Минцлова оказались ошибочными, а из-за отсутствия писцовых помет и колофонов, которые указывали бы на место создания рукописи, ее владельцев или переписчиков, потребовалось проведение комплексного кодикологического, палеографического и историко-лингвистического анализа. Его результаты представлены в недавно опубликованной работе Н. А. Бондарко и Н. Палмера [11, с. 172–189], поэтому в настоящей статье мы ограничимся изложением лишь самых необходимых сведений о структуре рукописи Нем. О. I. 87 и затем перейдем к рассмотрению особенностей ее языка.

Кодекс представляет собой конволют из 18 блоков разного происхождения, из которых 17 принадлежат к самостоятельным рукописям. При этом всего в рукописи представлены почерки 27 разных переписчиков («рук», *Schreiberhände*), письмо которых относится к разным типам бастарды XV и XVI вв. (как с петлями в верхних и нижних выносных элементах, так и без них). Данные кодикологического и палеографического анализа позволяют выделить в хронологическом отношении две группы блоков и почерков: конца XV в. — начала XVI в. (блоки *II–IX, XI, XIII, XVI, XVII*) и последней четверти XVI в. (блоки *I, X, XIV, XV, XVIII*); самый ранний блок (*XII*) датируется по филиграням первой четвертью XV в. Некоторые тексты и рубрики кодекса содержат свидетельства в пользу того, что, по крайней мере, соответствующий блок (прежде всего *V*) был написан в одном из доминиканских женских монастырей.

Основой и ядром кодекса является блок *II*, заполненный одной рукой конца XV в. (№ 2, л. 30r–148v). К нему было добавлено еще 17 блоков (из них 13 состоят всего лишь из одной тетради каждый), созданные в разное время и, скорее всего, в разных монастырях Эльзаса. Лишь блоки *I* (№ 1, л. 1r–29v) и *II* образуют содержательное единство: в них представлены медитативные молитвы, связанные с церковным календарем — от Адвента до Преображения Господня; центральное место занимают молитвы Рождественского цикла, обращенные к Младенцу Христу и Деве Марии. Можно заметить

также влияние книги видений Мехтильды Хакеборнской «Книга особой благодати» (“*Liber specialis gratiae*”).

О том, что весь кодекс был собран и переплетен в конце XVI в., свидетельствуют дополнения на свободных листах ранних блоков, сделанные переписчицами более позднего времени (особенно выделяется рука № 13, появляющаяся в трех разных блоках). Таким образом, число возможных женских доминиканских монастырей как места создания кодекса уменьшается, ибо лишь немногие из них пережили политические изменения, связанные с Реформацией. Судя по многочисленным текстовым параллелям с другими страсбургскими рукописями XVI в. (в первую очередь, Sgm 856 Государственной Баварской библиотеки Мюнхена), наиболее вероятным местом составления сборника является монастырь свв. Маргариты и Агнессы в Страсбурге (см.: подробнее: [11, с. 189–198]).

Основная часть самого раннего блока XII (л. 236–243) написана рукой № 19 (л. 236r–242r), текст на л. 242v добавлен рукой № 20. В обоих случаях тип письма — готический текстуралис (в отличие от всех остальных блоков, написанных разными типами поздней бастарды), однако почерк основной руки — более тщательный. В языковом отношении различия между двумя частями текста несущественны. В частности, для обозначения умлаута в фонемах /ü/, /ü:/ используются разные диакритические знаки: <Û>, <ü>, <> (№ 19) vs. <> (№ 20). Язык имеет ярко выраженные черты нижнеалеманнского диалекта, и, за исключением удвоения некоторых согласных графем (как, например, в слове *vatter*), влияние юго-восточного («общенемецкого») узуса не прослеживается. Дифтонгизация отсутствует (*zit* 236r, *daz liden* 240v; *lüte*, сущ. мн. ч., 241v; *vsserlichen* 241r). Свн. /a:/ передается на письме как <o>: *geton* — причастие II, 236r; *gost* (2 л. ед. ч. индикатива, 240v). В XIV–XVI вв. это явление широко распространено в нижнеалеманнском ареале, и «лишь к концу XVI в. написания с <o> ограничиваются позицией перед носовым» [12, с. 54] (ср. [23, с. 143]; о развитии сужения /a:/ с лабиализацией — *Verdumpfung* — в алеманнском, начиная с рубежа XIII–XIV вв., см.: [21, с. 304–308]). Что касается форм *gon* вместо свн. *gân* и, соответственно, *ston* вместо *stân* / *stên*, то в юго-западном ареале они имели повсеместное распространение с XV в. [12, с. 307–308] (об их географическом распределении см.: [9, с. 82–86, карты 4–6]). В Эльзасе *gon* преобладало до рубежа XV–XVI вв. (см.: [21, с. 310], специально о форме *gon*: с. 314) — соответственно, во всех поздних

блоках рукописи Нем. О. I. 87 представлены только формы с долгим /a:/ (например, *gang, stant*). Далее сохраняют качество свн. дифтонги /ou/ (*ouch* 238v, *frowe[n]* 240v; *berlöffen* 240v), /öu/ (*frude* 239v) и /ei/ (см.: [23, с.173]), не монофтонгизируется /uo/ (*getûn* 240v, *brüd[er]schaft*). Написание корневого гласного <ü> в форме мн. ч. *brüder* (241v) можно интерпретировать также как дифтонгическое (/üe/), учитывая многозначность тремы над *u* в юго-западном письменном узусе. Отсутствует характерное для средненемецких диалектов расширение /u/ > /o/ (*sunderlich* 238v). Передвижение глухих смычных проведено полностью. Консервативность письменного языка проявляется и в сохранении нередуцированного /ü:/ в форме личного местоимения ж. р. в ед. ч. им. и вин. падежей — *sü*, а также в стяженной форме *eime* (236r). Характерна для алеманнского диалектного ареала форма отрицательной частицы *nit* (240v) и окончание *-nt* в 3 л. ед. ч. претерита слабых глаголов.

Приведем в качестве примера отрывок монашеской молитвы за всех христиан:

Vnd bitte dich ouch für alle die · die sich mir ie befulhent oder mir ie beuolhen wurdent · Vnd für alle die ich begere · Vñ die ie begertent daz ich ir gedehete · Vnd für alle die der almüsen ich enpfangen habe · Vñ sunderlich die in mire süderē meinunge sint · Vnd für all die mir ie leit getotet das du in dz vzihest lieb^s h^sre daz bitte ich dich Vñ für alle die in d^s brüd^schaft ich bin · vñ für mine biht^s · dz du in gebest ein güt leben · Vnd ein heilig vollekomen ende · Vñ für dis closter · waz vns nütze vnd güt ist geistlich vnd liplich · vñ dir löbelich · dz du dz fügest · (л. 239r-238v).

Близкая языковая картина наблюдается в тексте, написанном рукой № 20. Его особенность заключается в наличии делабиализации /ü > i/: *vir* (вместо свн. *viür*).

Нижнеалеманнский письменный узус конца XV в. целесообразно рассматривать на обширном материале основного блока рукописи (II, рука № 2). К особенностям орфографической системы относится прежде всего слабая дифференциация диакритики в обозначениях и-умлаута: *ü* / *û* (при этом известно, что в других страсбургских рукописях трема — двоеточие со смещением верхней точки вправо — над *u* может обозначать не только умлаут, но и дифтонг — см.: [29, с. 137]). Умлаут, однако, может и не маркироваться: *wusti* (“Wüste”) (123r) / *wust* (123r) / *wüst* (125v). На л. 145v

происходит смена дукта и появляется четкое разграничение между неумлаутированным и умлаутированным *u* — соответственно <û> vs. <ü> (с тремой); кроме того, добавляется новый графический вариант <ú> для обозначения /ü, ü:/ (*frúntlich*). Общей чертой рнвн. письменного узуса является удвоение консонантных графем — например: *vernunfft* (30r), *worttes* (32r), *eltern* (76v), *zerttenten* (37r), *touff* (80v, 105r).

Многие особенности вокализма в языке руки № 2 реализуются нестабильно, что, однако, характерно для письменного узуса нижнеалеманнского ареала, открытого для инодиалектных влияний. Отметим следующие доминантные признаки:

- 1) отсутствие следов рнвн. дифтонгизации: *verswigen* (30r), *wißheit* (36v), *schin* (37v), *myner* (88v), *kindelin* (41v), *lycht* ('leicht') (88v), *lutterkeit* (68r), *getruwen* (89r), *vngetruwelich* (95v), *huß* (95r), *nuwes* (104v), *Crütz* (88v), *tüffels* (148v);
- 2) передача свн. /ei/ как <ey, ei>: *zeyget* (3 л. ед. ч.) (88r), *heilge* (105v);
- 3) диграфное написание старых дифтонгов, которое можно интерпретировать как признак отсутствия рнвн. монофтонгизации, не характерной для южнонемецких диалектов: *nyeman* (104v), *hüp* (свн. *huop*) (88r) / *hüb* (131v), *vnümüß* (88v), *liechtes* (104v);
- 4) написание <o> для свн. /a:/: *worheit* (31r), *on vnderloß* (32r), *vß gon* (90r), *clor* (125v), *volbrocht* (прич. II, 106v), *sloff* ('Schlaf', 110r, 112v), *vohe an* (императив, 41v), *jor* (66v), *aploß* (88v), *dor vmb* (103v), *vnderton* (116v);
- 5) сохранение свн. /ou/: *ougen* (41v), *touff* (80v, 105r), *ouch* (119r);
- 6) передача свн. /öu/ как <öi, u>: *vnglöibiglich* (89r), *gettiffet* (105r) / *getiffet* (123r); *erzöigest* (88v) / *erzugt* (прич. II, 103v) / *erziget* (прич. II: 103v; 1-е л. ед. ч. презенса, 128v) (данные о географическом распределении этих написаний см. в: [17, I, с. 174; II, карта 81]; оба графических варианта данного дифтонга были распространены не только в Страсбурге, но и в рукописях всего алеманнского ареала (ср. [23, с. 38]);
- 7) написание <ow>, сохраняющее свн. сочетание /ouw/, /öuw/: *geschowet* (39v), *frow* (37v), *jungfrow* (53r), *frowe dich* (50v), *erfrowt* (71v) / *erfrowet* (88v);
- 8) лабиализация /e/ > /ö/, /i/ > /ü/; а) наблюдается варьирование лабиализованного и нелабиализованного вариантов <e ~ ö>:

mnscheit (50v) / *menscheit* (95v), *frmden* (95r) (о лабиализации /e/ > /ö/ в алеманнском и швабском как об очень частом явлении пишет В. Мозер: [23, с. 106 и сл.]; ср. [12, с. 75–77]; Фр. Маурер использует термин “Überrundung” и иллюстрирует данное явление примерами из страсбургского материала — [21, с. 313]; о территориальном распределении варианта *frömd*, чрезвычайно характерного для алеманнского ареала, см.: [9, с. 98–100, карта 13]); б) /i/ > /ü/: *hülff* (89r) (см.: [23, с. 109–112]);

- 9) нестабильное отражение делабиализации на письме: а) <i ~ ü> для передачи свн. /ü, ü:/: *künige* (37r), *künig* (Sg., 90r) / *kinnig* (37v), *kinigen* (54r); *frünt* (103v) / *frintlichsten* (45r); *für* (88v) / *vir* (80v) (о варьировании лабиализованных и нелабиализованных гласных и соответствующих написаниях в нижеалеманнском см.: [23, с. 103 и сл.]); б) <ei> для передачи свн. /öu/: *freid* (88v);
- 10) колебания в расширении /u/ > /o/, /ü/ > /ö/ (см.: [12, с. 70]): *stonde* (свн. *stunde*) (41v), *vllle* (80v), *vrchten* (3 л. мн. ч. презенса) (119r); однако встречаются и традиционные алеманнские узкие варианты: *sunnentag* (88r); эта полная форма композита со связующим генетивным элементом *-en* сохранялась, согласно В. Бешу, только в алеманнском и нижефранкском диалектах (см.: [9, с. 215–217, карта 63]); *künig* (90r; см.: [9, с. 104, карта 16); *kundestu* (88v).

В области консонантизма характерны следующие признаки:

- 1) передвижение /p/, /pp/ > /pf/ проведено полностью, включая интервокальную позицию: *pfant* (104r), *kripfen* (68v), *geschppffede* (37v); при этом наблюдаются характерные для нижеалеманнского диалекта колебания в реализации перехода /d/ > /t/ во всех позициях: *tod* (32r) / *dodes* (37r, 37v) / *dtten* (110r) / *dt* (“tötet”) / *getdet* (68r) / *dod* (148r); *dete* (35v) / *ted* (89r) / *detttest* (148v), *düst* (37v) / *tüst* (88r);
- 2) наличие *g* после /i:/, /ü:/ (в позиции конца слова или при «зиянии»): *sige* / *sig* (40r), *vigenden* (148v), *blügender* (53r); это написание, используемое также для обозначения палатального интервокального *j*, встречается в нижеалеманнских источниках особенно часто (ср.: [12, с. 99; 23, с. 62; 28, с. 350 и сл.]; DWb 16: 232, 239, s. v. *sein*).

Кроме того, наблюдается ряд фономорфологических явлений и форм, характерных для описываемого ареала:

- суффикс *-nis* (см.: [9, с. 224–228, карты 66–68]); *knuwende* (42r), *kniwen* (сущ., 126r; эта форма распространена в Эльзасе особенно широко — см.: DWb 11, значение Ic: 1422, s. v. Knie.);
- форма императива ед. ч. от глагола *sin*: *biß* (106r); в XV в. она была более распространена в южнонемецких диалектах, чем *sei* (см.: [9, с. 309–310]; [21, с. 313]; DWb 16, значение 11a: 242); впрочем, в описываемом материале гораздо чаще употребляется форма 2 л. ед. ч. конъюнктива: *sigestu*;
- метатеза *r*, реализующаяся непоследовательно: *dirten* (42v) / *ein dryt* (88v), *sparch* (107r) / *sprach* (более частотный вариант), *bürnenden* (37r) (о метатезе *r* в эльзасском диалекте см.: [12, с. 151]; [21, с. 308 и сл., 313]);
- написание *dz* (103v, 119v) / *das* (“dass” в роли союза и указательного местоимения);
- форма *kilch* (105v, 107v): для Страсбурга и окрестностей характерно варьирование вариантов *kilch[e]* и *kirch[e]*, причем не только в позднем средневековье, но и в настоящее время (см.: [9, с. 180–182, карта 49]; [17, I, с. 213–218; 17, II, карта 114] — впрочем, с абсолютным преобладанием варианта *kirche*);
- форма мужского рода существительного *touff* (106r), характерная для немецкого юго-запада в XV в. (см.: [9, с. 250–252, карта 77]);
- чередование *vntz* (116v) / *biß* (148r); по данным В. Беша, более древняя форма *unz* в настоящее время сохраняется только в южнонемецких диалектах, за исключением швабского; в XV в. Страсбург относился к зоне смешанного употребления *unz* и *bis*, а самый поздний случай использования *unz* в материале Беша датируется 1524 г. (см.: [9, с. 145–147, карта 35]);
- лексический вариант *vrstend* («воскресение») (107r; см.: [9, с. 220–223, карта 65]).

В качестве примера приведем отрывок из парафраза «Откровений» Мехтильды Хакеборнской (кн. I, гл. 11), в котором речь идет о душевной пользе, получаемой человеком от поклонения телу Христову.

Von dem nutz so der mesch entfohet der dz antlit Jhu xp̄i eret .

(88r) [O]mnis terra an dem selben sunnētāg do begerte Sant methylt dz sy dz antlit vn̄sers heren sehen solt dz man des tages zū Rom Allen den zeyget die sich dar gegen bereitten mit bicht v̄n mit ruwen v̄n do viel sy nyder zū den füßē des süßen herren v̄n begerte abloß Aller ir sünden V̄n do hüp Jhs xp̄s vff sin hant v̄n gab ir mit dissen wortten sinen götlichen segen Jch vergibe dir Alle din sünd von dem jn̄nerē myner verdienten milttikeit v̄n do sprach er zū ir zū einer besserung Aller sünden soltu die büß leisten dz du das gantze Jor alle tag teglich etwas güttes tüst jn der meinung dz ich dir din sünd vergeben han Do sprach sy lieber her (88v) wen ich von sunder vnmüß geirret wurde wie sol ich deñ tün Do sprach er wie kundestu an dem geirret werden dz du Also lycht volbryngest wen von myner milttikeit wil ich für güt han wen du jn der meinung nuwen ein dryt hinder dich x̄ oder für dich tüst x̄ oder nuwen ein halm von der erden vff gebest oder ein wort von mir redest oder dz du mir nuwen ein früntlich antwort oder geberde erzöigest oder sprich ein Requiem eternā oder bette etwas für die sünd^s oder für die gerechten von disen dingen wart sy erfrowet mit grosser vnseglicher freid v̄n do begerte sy von jm dz er iren besunderen gütten fründen den aploß ouch mitteilet des gewert sy der he v̄n sprach also Alle die / die vorenante büß wellent leisten den wil ich geben den abloß v̄n mynēsegen do macht er ein langes Crütz v̄n gab allen den sinen segen die / die vorder büß leisten wolten v̄n do sprach er O wie begirlich wolte ich den menschen entfohē der ber ein Jor zū mir kem v̄n mir die frucht brecht dz er es durch mynes anlytes ere ein Jor geton hette wan die selben gütten werck bertreffen (89r) Alle die sünd die den mensch das gantze Jor geton het do sparch s̄y rech (*sic!*) als ob sy dor an zwiuelte (l. 88r-89r).

Среди поздних текстов Санкт-Петербургского молитвенника, написанных ближе к концу XVI в., особый интерес представляют молитвы блока VIII. Бумага этой части кодекса идентична бумаге блока II, причем текст на л. 204r написан той же рукой № 2. Листы, которые первоначально (в рукописи, использованной для создания исследуемого кодекса и сохранившейся лишь частично) оставались пустыми, были заполнены тремя разными переписчицами около ста лет спустя (руки № 11, 12, 13). Общий для них тип письма — характерная поздняя готическая бастарда без петель в выносных элементах. Рука № 13 играет особенно важную роль в создании

рукописи: ею же записаны молитвы к Деве Марии в конце блока XIII (л. 246r–247v) и все листы блока XV (л. 266r–271r), кроме л. 271v, оставленного пустым. Рука № 12 (л. 206r–208v) также встречается не единожды, появляясь в конце блока VIII на л. 215v. Язык всех трех переписчиц обнаруживает серьезные различия и разную степень влияния общенемецкого предстандарта.

Для письменного узуса руки № 11 (л. 204v–205v) характерно традиционное отсутствие рнвн. дифтонгизации (*cluβnerin* 204v, *vβ gon* 204v, *dinen* 204v, *Crütz* 204v, *lüttere bicht* 205r), а также диграфное написание свн. дифтонгов (*behüetest* 205r, *thün* 205r). Сохраняется передача свн. /a:/ через <o> (*apploß* 204v, *genod* 205r), узкая форма свн. дифтонга /ou/ (*glouben* 205r) и отсутствие расширения /u/ > /o/ перед сонантами (*Sunderlich* 204v). Употребляется алеманнский вариант корневого гласного в формах глагола *gehen* (*gang* — *императив*, 204v). Вместе с тем встречаются и примеры с дифтонгизацией свн. /i:/: *Leib* (204v), *dein* (204v). В качестве образца текста приведем молитву «одной затворницы» (*ein cluβnerin*):

Es was ein cluβnerin vß gon noch apploß do erschein ir der herr jhs vnd sprach zû ir war wiltu sy sprach ich will gon apploß holen do sprach er zû ir gang heym vnd Ermane mich dißer iij ding mit einē pr nr vnd aue maria vnd biß hellen vnd fegfürs ledig für wor.

O herr ich Ermane dich des vß fluss von deinen helligen wunden vnd vß allem deinē heiligem Leib vnd vß allen dinen heilligen odern geflossen Sunderlich An dem heilligen Crütz auch vß allen wundē entpfangen das du mir dein gotliche liebe senckest in mein hercz vnd sel das ich Erwerb das ich hellen vnd fegfürs überhaben wer Amen (л. 204v–205r).

Письменный язык руки № 12 (л. 206r–208v, 215v) обнаруживает наибольшую степень внешнего влияния и сохранил меньше алеманских черт. Об этом прежде всего свидетельствует реализованная рнвн. дифтонгизация: *leiden* (206r), *dein* (206r), *creüz* (207v), хотя есть и исключения: *pin* (“Rein”, 207v). Колебания наблюдаются в формах ед. ч. презенса конъюнктива глагола *sein*: *seÿestû*, *seÿ* — но также: *sÿg* (208r); впрочем, формы без *g* в «зиянии» преобладают. Средненемецкое расширение /u/ > /o/ перед сонантами прослеживается в написаниях *son* (206r), *könig* (208v). Традиционный алеманнский узкий дифтонг /ou/ заменяется новонемецким вариантом /au/: *haüpt* (215v). Вместе с тем сохраняется написание <o>

вместо свн. /a:/: *genod* (207v) / *gnod* (208r), *klorheit* (208r); диграфное написание свн. дифтонгов /üe/, /uo/: *behüet* (208r), *trügest* (215v); лабиализация /e/ > /ö/: *mnschen* (215v). К числу орфографических особенностей руки № 12 относится передача долгого /i:/ с помощью удвоения: <ii>. Примером могут служить следующие молитвенные тексты:

Uatter vnser der dū bist in den h̄yeln̄ jch opffer dir̄ Alles das wehe v̄n leiden das dein herz lieber son Jhs̄ xp̄s̄ ye geleid̄t vnd seinen biittern doth für Alle meine sündt wir Anr̄ueffen dich vnd Anbetten dich vnd loben sich O hllige triiualtigkeit Erleücht vns A (206r).

Gegrüesset seÿestū Maria voll gnoden wir bitten sich das dū vns Allen gnod vnd tügent Erwerberst vmb deinen herzlieben son Jhm̄ xp̄m̄ Der herr ist mit dir ... (208r).

Письменный узус руки № 13 (л. 246r–247v) более консервативен. Это выражается, главным образом, в сохранении старых монофтонгов: *sine[n]* *lide[n]* (208v), *dine* (211v); *getruwes* (209r); *fegvür* (211v); *crüzes* (215v), хотя встречается и исключение: *schrey* (208v). Характерными традиционными чертами являются также формы с <o> вместо свн. /a:/ (*yor* 214, *worem* 210v), а также лексема *erbermd* (214r) (см.: [9, с. 158–161, карта 40]). Вместе с тем наблюдается проникновение вариантов с расширением /u/ > /o/: *sonderlich* (208v), чередующихся с узкими вариантами (*kumen* 211v). Вместо свн. дифтонга /ou/ используется новый широкий вариант /au/: *glauben* (210v, 211r):

Diß gebett sprich mit iij̄ pr̄ nr̄ v̄n beuilh̄ dinen glauben in disser wis gott dz du gesterckt werdest Ann) dinem End in rechtē worem glauben pr̄

He'r̄ jhū xpe jch beu l dir minē nr̄ glauben jn die allmechtikeit gott des vatters̄ v̄n beger daß du minen glauben jn der krafft also sterckest daß jch nimer me von rechtem glaubē werde gezogen pr̄ nr̄ (210v–211r).

В настоящей статье были продемонстрированы примеры лишь из небольшой части богатого материала молитвенника Нем. О. I. 87. Тем не менее они отражают общую тенденцию языкового варьирования в языке этого сборника, разные части которого создавались в период, охватывающий около 170 лет. Главный вывод заключается в том, что язык всех писцов (переписчиц) в целом однороден и не выходит за рамки нижнеалеманнского диалекта. При этом

характер графико-фонетического варьирования не дает возможности установить конкретные писцовые центры, в которых могли быть созданы исходные рукописи, послужившие материалом для кодекса, — для подобной атрибуции в настоящее время не хватает системных исследований языка рукописей из эльзасских скрипториев XV–XVI вв. Предположение о том, что завершение создания кодекса происходило в Страсбурге, основывается в большей мере на анализе содержания рукописи (см.: [11, с. 189–198]). Косвенным подтверждением того, что язык всех блоков воспринимался в конце XVI в. как общий, является и тот факт, что составительницы молитвенника посчитали возможным объединить все эти части в сборник, предназначенный для каждодневного чтения (особенно показательным включение наиболее архаичного в языковом отношении и своеобразного по содержанию блока XII — см. подробнее: [11, с. 187]).

Самыми очевидными константными признаками, характеризующими письменный узус всех писцовых рук XV — начала XVI в. и большинства рук конца XVI в., являются следующие: отсутствие либо весьма незначительное число примеров рнвн. дифтонгизации, сужение /a:/ > /o:/, написания <eu, ei> для передачи старого дифтонга /ei/, лабиализация /e/ > /ö/, неполное передвижение /d/ > /t/ и формы конъюнктива глагола *sin* с *g* в интервокальной позиции или в «зиянии» (*sige* и т. д.). В поздних блоках кодекса влияние общенемецкого узуса, проникающее в эльзасские монастырские скриптории с юго-востока и из средненемецких диалектов, а также, возможно, через печатную литературу, изданную уже на языке общенемецкого предстандарта, проявляется отчасти в написаниях, отражающих новые дифтонги. Наименее устойчивой алеманнской чертой (признаком) оказывается узкий дифтонг /ou/, который чаще всего уступает место широкому варианту <au>. Активно конкурируют <u> и <o> перед сонантами, что объясняется влиянием не только общезыкового узуса, но и непосредственным давлением соседних центральнофранкских диалектов. Поскольку описываемые изменения усиливаются, хотя и неравномерно, в поздних частях рукописи, нарастание удельного веса внешних воздействий может отчасти служить датирующим фактором. Правда, этот вывод справедлив лишь для двух ситуаций: 1) усиление рнвн. орфографических черт в текстах конца XV в. (блок II), по сравнению с текстами начала XV в. (блок XII); 2) наличие внешних влияний

в текстах XVI в., резко отличающих их от письменного узуса XV в. В тех же случаях, когда монахини конца XVI в. следуют традиционным местным орфографическим навыкам, их язык не может служить основанием для более ранней датировки, и тогда решающее значение приобретают палеографические характеристики письма, типы филиграней и содержание текста. В целом следует констатировать, что в рукописях женских доминиканских монастырей Страсбурга переход на общенациональный литературный предстандарт к концу XVI в. так и не состоялся.

Источники

Российская национальная библиотека: ркп. Нем. О. I. 87.

Издания текстов

- ElsLA — Die 'Elsässische Legenda Aurea'. Bd. 1. Das Normalcorpus / Hrsg. v. U. Williams, W. Williams-Krapp (Texte und Textgeschichte 3). Tübingen: Max Niemeyer, 1980; Bd. 2. Das Sondergut / Hrsg. v. K. Kunze (Texte und Textgeschichte 10). Tübingen: Max Niemeyer, 1983; Bd. 3. Die lexikalische Überlieferungsvarianz, Register, Indices / Hrsg. U. Williams (Texte und Textgeschichte 21). Tübingen: Max Niemeyer, 1990.
- NvW — Niklas von Wyle. Translationen. Esslingen: Konrad Fyner, nach 5.4.1478. (GW M51838).

Словари

- DWb — Deutsches Wörterbuch von Jacob und Wilhelm Grimm. 16 Bde in 32 Teilbden. Leipzig, 1854–1961. Quellenverzeichnis: Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1971. [<http://woerterbuchnetz.de/DWB/>].

Литература

1. Гухман, М. М. От языка немецкой народности к немецкому национальному языку. Ч. 2. М.: АН СССР, 1959. 204 с.
2. Гухман, М. М. Язык немецкой политической литературы эпохи Реформации и Крестьянской войны. М.: Наука, 1970. 276 с.
3. Гухман, М. М. Соотношение социальной дифференциации и других типов варьирования литературного языка // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. С. 41–60.
4. Дубинин, С. И. Немецкий литературный язык позднего средневековья: юго-западный ареал. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2000. 199 с.
5. Жирмунский, В. М. Немецкая диалектология. М.; Л.: АН СССР, 1956. 956 с.

6. *Логутова, М. Г.* Опыт исследования позднесредневековой религиозности на примере немецких рукописных молитвенников из собрания Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге // Символ. Журнал христианской культуры, основанный Славянской библиотекой в Париже. № 51. Париж; М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. С. 379–416.

7. *Bahder, K. von.* Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems. Beiträge zur Geschichte der deutschen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert. Straßburg: Verlag v. Karl J. Trübner, 1890. 367 S.

8. *Bauer, G.* Johann von Kaysersberg als Objekt und Grundlage der Erforschung der Straßburger Stadtsprache // Stadtsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früher Neuzeit: Vorträge des Symposiums vom 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim / Hrsg. v. G. Bauer. Göppingen: Kümmerle, 1988. S. 439–464.

9. *Besch, W.* Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. Studien zur Erforschung der spätmittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache. München: Francke, 1967. 426 S.

10. *Besch, W.* Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache: Exemplarische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen // Dialektologie. Ein Handbuch / Hrsg. v. W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. S. 961–990.

11. *Bondarko, N., Palmer, N. F.* Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung // Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven: Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013) / Hrsg. v. N. Ganina u.a. (Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, Sonderschr. 47; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3). Erfurt: Verlag der Akademie Gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2016. S. 171–198.

12. *Ebert, R. P., Reichmann, O., Solms, H.-S., Wegera, K.-P.* Frühneuhochdeutsche Grammatik. Tübingen: Max Niemeyer, 1993 (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte. A. Hauptreihe, Nr. 12).

13. *Frings, Th.* Sprache und Geschichte. Bd. I. (Mitteldeutsche Studien 16). Halle (Saale): Max Niemeyer, 1956. 156 S.

14. *Frings, Th.* Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache. 3. erweit. Aufl. Halle (Saale): Max Niemeyer, 1957. 174 S.

15. *Grosse, R.* Dialektologie und Soziolinguistik in der Theorie des Sprachwandels // Sprache in der sozialen und kulturellen Entwicklung: Beiträge eines Kolloquiums zu Ehren von Theodor Frings (1886–1968) / Hrsg. R. Grosse. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1990. S. 27–38.

16. *Haimel, Fr. X.* Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands. (Münchener theologische Studien 1,4). München: Karl Zink Verlag, 1952. 185 S.

17. *Kleiber, W., Kunze, K., Löffler, H.* Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas. Aufgründ von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts. Bd. I. Text. Einleitung, Kommentare und Dokumentationen. Bd. II. Karten. Einführung, Haupttonvokalismus, Nebentonvokalismus, Konsonantismus. (Bibliotheca Germanica. 22A/22B). Bern; München: Francke Verlag, 1979.

18. *Kunze, K.* Neue Ansätze zur Erfassung spätmittelalterlicher Sprachvarianz // Überlieferungsgeschichtliche Prosaforschung: Beiträge der Würzburger Forschergruppe zur Methode und Auswertung / Hrsg. K. Ruh (TTG 19). Tübingen: Max Niemeyer, 1985. S. 157–200.

19. *Kunze, K.* Aspekte einer Sprachgeschichte des Oberrheingebietes bis zum 16. Jahrhundert // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung / Hrsg. W. Besch u. a. 2., vollst. neu bearb. und erweitert. Aufl. Teilbd. 3. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 2810–2825.

20. *Lentes, Th.* Gebetbuch und Gebärde. Religiöses Ausdrucksverhalten in Gebetbüchern aus dem Dominikanerinnen-Kloster St. Nikolaus in undis zu Straßburg (1350–1550): Diss. Münster, 1996. 410 S.

21. *Maurer, Fr.* Zur Sprachgeschichte des deutschen Südwestens // Oberrheiner, Schwaben, Südalemannen: Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens / Hrsg. Fr. Maurer. Straßburg: Hünenburg-Verlag, 1942 (Arbeiten vom Oberrhein 2). S. 167–336.

22. *Minzloff, R.* Weihnachtsgebete aus einem Nonnenkloster (Papierhandschrift des XIV Jahrhunderts) // Minzloff, R. Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg. St. Petersburg: Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1853. S. 59–64.

23. *Moser, V.* Frühneuhochdeutsche Grammatik. Bd. 1. Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg: Carl Winter Verlag, 1929. 358 S.

24. *Reichmann, O.* Die Diagonalgliederung des Frühneuhochdeutschen // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständig neu bearb. und erweitert. Aufl. / Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 1623–1646.

25. *Socin, A.* Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit. Heilbronn: Henninger, 1888. 545 S.

26. *Sonderegger, S.* Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung im Deutschen // Dialektologie: Ein Handbuch / Hrsg. W. Besch. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1983. Halbbd. 2. S. 1526–1558.

27. *Stöckicht, O.* Sprache, Landschaft und Geschichte des Elsaß. Marburg: Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 252 S.

28. *Weinhold, K.* Alemannische Grammatik. Berlin: Dümmler, 1863. (Neudruck Amsterdam, 1967). 480 S.

29. *Wolf, N. R.* Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Früh-

neuhochdeutschen // Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung. 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. / Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2). Berlin; New York: Walter de Gruyter, 2003. S. 1527–1542.

30. Young, Chr., *Gloning, Th.* A history of the German language through texts. London; New York: Routledge, 2004.

References

1. Guhman, M.M. *Ot iazyka nemetskoj narodnosti k nemetskomu natsional'nomu iazyku* [From the language of German ethnos towards the German national language]. Moscow, AN SSSR, 1959. Part 2. 204 p. (In Russian)

2. Guhman, M.M. *Iazyk nemetskoj politicheskoj literatury epokhi Reformatsii i Krest'ianskoj voiny* [The language of German political literature of the Reformation and Peasant's War]. Moscow, Nauka Publ., 1970. 276 p. (In Russian)

3. Guhman, M.M. [The correlation of the social differentiation and other variation types of literary language]. *Sotsial'naja i funktsional'naja differentsiatsiia literaturnykh iazykov*. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 41–60. (In Russian)

4. Dubinin, S.I. *Nemetskii literaturnyi iazyk pozdnego srednevekov'ia: iugo-zapadnyi areal* [German literary language of the Late Middle Ages: Southwestern areal]. Samara, Samarskii universitet Publ., 2000. 199 p. (In Russian)

5. Zhirmunskij, V.M. *Nemetskaia dialektologija* [German dialectology]. Moscow, Leningrad, AN SSSR, 1956. 956 p. (In Russian)

6. Logutova, M.G. *Opyt issledovaniia pozdnesrednevekovoi religioznosti na primere nemetskikh rukopisnykh molitvennikov iz sobraniia Rossiiskoi natsional'noi biblioteki v Sankt-Peterburge* [An experience of the research of late medieval religiosity on the example of German handwritten prayer books from the collection of the National Library of Russia in St. Petersburg]. *Simvol. Zhurnal khristianskoj kul'tury, osnovannyi Slavianskoj bibliotekoi v Parizhe*. no. 51. Paris, Moscow, Institut filosofii, teologii i istorii sv. Fomy, 2007, pp. 379–416. (In Russian)

7. Bahder, K., von. *Grundlagen des neuhochdeutschen Lautsystems. Beiträge zur Geschichte der deutschen Schriftsprache im 15. und 16. Jahrhundert*. Straßburg, Verlag von Karl J. Trübner, 1890. 367 p.

8. Bauer, G. *Johann von Kaysersberg als Objekt und Grundlage der Erforschung der Straßburger Stadtsprache. Stadtsprachenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Verhältnisse der Stadt Straßburg in Spätmittelalter und früherer Neuzeit. Vorträge des Symposiums von 30. März bis 3. April 1987 an der Universität Mannheim*. Hrsg. von G. Bauer. Göppingen, Kümmerle, 1988, pp. 439–464.

9. Besch, W. *Sprachlandschaften und Sprachausgleich im 15. Jahrhundert. Studien zur Erforschung der spätmittelhochdeutschen Schreibdialekte und zur Entstehung der neuhochdeutschen Schriftsprache*. München, Francke, 1967. 426 p.

10. Besch, W. *Dialekt, Schreibdialekt, Schriftsprache, Standardsprache. Exem-*

parische Skizze ihrer historischen Ausprägung im Deutschen. *Dialektologie. Ein Handbuch*. Hrsg. von W. Besch u.a. Halbbd. 2. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1983, pp. 961–990.

11. Bondarko, N., Palmer, N.F. Ein elsässisches Gebetbuch in der Russischen Nationalbibliothek zu St. Petersburg: Befund und Deutung. *Von mittelalterlichen und neuzeitlichen Beständen in russischen Bibliotheken und Archiven. Ergebnisse der Tagungen des deutsch-russischen Arbeitskreises an der Philipps-Universität Marburg (2012) und an der Lomonossov-Universität Moskau (2013)*. Hrsg. N. Ganina u.a. (Akademie gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, Sonderschr. 47; Deutsch-russische Forschungen zur Buchgeschichte 3). Erfurt, Verlag der Akademie Gemeinnütziger Wissenschaften zu Erfurt, 2016, pp. 171–198.

12. Ebert, R. P., Reichmann, O., Solms, H.-S., Wegera, K.-P. *Frühneuhochdeutsche Grammatik*. Tübingen, Max Niemeyer, 1993 (Sammlung kurzer Grammatiken germanischer Dialekte, A. Hauptreihe, Nr. 12).

13. Frings, Th. *Sprache und Geschichte*. Bd. I. (Mitteldeutsche Studien 16). Halle (Saale), Max Niemeyer, 1956. 156 p.

14. Frings, Th. *Grundlegung einer Geschichte der deutschen Sprache*. 3. erweit. Aufl. Halle (Saale), Max Niemeyer, 1957. 174 p.

15. Grosse, R. Dialektologie und Soziolinguistik in der Theorie des Sprachwandels. *Sprache in der sozialen und kulturellen Entwicklung. Beiträge eines Kolloquiums zu Ehren von Theodor Frings (1886–1968)*. Hrsg. R. Grosse. Berlin: Akademie-Verlag Berlin, 1990, pp. 27–38.

16. Haimel, Fr. X. *Mittelalterliche Frömmigkeit im Spiegel der Gebetbuchliteratur Süddeutschlands*. (Münchener theologische Studien I,4). München, Karl Zink Verlag, 1952. 185 p.

17. Kleiber, W., Kunze, K., Löffler, H. *Historischer Südwestdeutscher Sprachatlas*. Aufgrund von Urbaren des 13. bis 15. Jahrhunderts. Bd. I. Text. Einleitung, Kommentare und Dokumentationen; Bd. II. Karten. Einführung, Haupttonvokalismus, Nebentonvokalismus, Konsonantismus. (Bibliotheca Germanica 22A/22B). Bern, München, Francke Verlag, 1979.

18. Kunze, K. Neue Ansätze zur Erfassung spätmittelalterlicher Sprachvarianz. *Überlieferungsgeschichtliche Prosaforschung: Beiträge der Würzburger Forschergruppe zur Methode und Auswertung*. Hrsg. K. Ruh (TTG 19). Tübingen, Max Niemeyer, 1985, pp. 157–200.

19. Kunze K. Aspekte einer Sprachgeschichte des Oberrheingebietes bis zum 16. Jahrhundert. *Sprachgeschichte. Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung*. 2., vollständig neu bearb. und erweit. Aufl. Teilband. 3. Hrsg. W. Besch u. a. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003, pp. 2810–2825. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

20. Lentes, Th. *Gebetbuch und Gebärde: Religiöses Ausdrucksverhalten in Gebetbüchern aus dem Dominikanerinnen-Kloster St. Nikolaus in undis zu Straßburg (1350–1550)*: Diss. Münster, 1996. 410 p.

21. Maurer, Fr. Zur Sprachgeschichte des deutschen Südwestens. *Oberrheiner*,

Schwaben, Südalemannen. Räume und Kräfte im geschichtlichen Aufbau des deutschen Südwestens. Hrsg. Fr. Maurer. Straßburg, Hünenburg-Verlag, 1942, pp. 167–336. (Arbeiten vom Oberrhein 2.)

22. Minzloff, R. Weihnachtsgebete aus einem Nonnenkloster (Papierhandschrift des XIV Jahrhunderts). Minzloff R. *Die altdeutschen Handschriften der Kaiserlichen Öffentlichen Bibliothek zu St. Petersburg.* St. Petersburg, Buchdruckerei der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1853, pp. 59–64.

23. Moser, V. *Frühneuhochdeutsche Grammatik.* Bd. 1. Lautlehre. 1. Hälfte: Orthographie, Betonung, Stammsilbenvokale. Heidelberg, Carl Winter Verlag, 1929. 358 p.

24. Reichmann, O. Die Diagonalgliederung des Frühneuhochdeutschen. *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 2003, pp. 623–1646. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

25. Socin, A. *Schriftsprache und Dialekte im Deutschen nach Zeugnissen alter und neuer Zeit.* Heilbronn, Henninger, 1888. 545 p.

26. Sonderegger, S. Leistung und Aufgabe der Dialektologie im Rahmen der Sprachgeschichtsschreibung im Deutschen. *Dialektologie: Ein Handbuch.* Hrsg. W. Besch. Berlin, New York, Walter de Gruyter, 1983. Halbbd. 2, pp. 1526–1558.

27. Stöckicht, O. *Sprache, Landschaft und Geschichte des Elsaß.* Marburg, Elwert'sche Verlagsbuchhandlung, 1942. 252 p.

28. Weinhold, K. *Alemannische Grammatik.* Berlin, Dümmler, 1863. 480 p. (Neudruck, Amsterdam, 1967)

29. Wolf, N.R. Phonetik und Phonologie, Graphetik und Graphemik des Frühneuhochdeutschen. *Sprachgeschichte: Ein Handbuch zur Geschichte der deutschen Sprache und ihrer Erforschung.* 2., vollständ. neu bearb. und erweit. Aufl. Hrsg. W. Besch, A. Betten, O. Reichmann, S. Sonderegger. Teilband. 2. Berlin, New York, de Gruyter, 2003, pp. 1527–1542. (Handbücher zur Sprach- und Kommunikationswissenschaft 2.)

30. Young, Chr., Gloning, Th. *A history of the German language through texts.* London, New York, Routledge, 2004.

Бондарко Николай Александрович

доктор филологических наук, старший научный сотрудник

Института лингвистических исследований РАН

Адрес: Российская Федерация, 199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., 9.

Nikolaj A. Bondarko

Doctor of Philological Sciences, Senior researcher of Institute for Linguistic Studies,

Russian Academy of Sciences

Address: 9, Tuchkov per., St. Petersburg, 199053, Russian Federation.

E-mail: n-bond@yandex.ru